

Дед мой, земля ему пухом, был большой любитель разных историй. Мог часами травить всякие байки, и никогда нельзя было понять, правду ли он говорит или брешет. А прямо спросишь – улыбнётся загадочно, бороду ладонью погладит да отшутится как-нибудь. Ну, мы, детишки, понятно, обожали его. Проходу не давали, всё клянчили, чтобы рассказал что-нибудь. Нам всё было одно: что сказки, что вправдашнее. Кое-какие из его баек я потом узнавал, в более или менее исковерканном виде, в своих школьных книжках по истории. Дедушка, видать, не сильно-то волновался о том, чтобы история исходила от него такой же, какой к нему попала. Он пускал в ход всё, что слышал или читал когда-то, вплетая это в свой рассказ, как Бог на душу положит. Если какой-то факт вдруг выпадал из его памяти, он и не думал смущаться, щедро добавляя от себя.

Должен сказать, что сейчас, когда я сам стал стариком, и многие события моей собственной жизни, и те предания, выдуманные или правдивые, которые я когда-либо слышал, читал или даже заучивал наизусть, готовясь к экзаменам, стали стираться из моей памяти, рассказы моего деда всё ещё свежи в ней так, словно я услышал их ещё вчера. Правда, я не обладаю ни живостью его ума, ни воображением, позволяющим переделывать и додумывать, и всё, услышанное от него, рассказываю слово в слово. Мои собственные внуки, впрочем, и не думают пенять мне на это. И когда они каким-нибудь долгим зимним вечером, когда вся семья собирается у огня, просят меня рассказать что-нибудь, я вижу в глазах моего старшего внука, Луиша, черноглазого сорванца, в котором я души не чаю, самого себя, когда я, будучи в его возрасте, с таким же вниманием и нетерпением глядел на моего собственного деда в ожидании какой-нибудь новой сказки.

Помню, как-то раз, в особенно холодный вечер особенно холодной зимы (а в моём детстве о таком изобилии, чтобы можно было топить печь целый день, можно было

только мечтать), мы все, семеро братьев и сестёр, жались друг к другу, чтобы согреться. И дедушка, который мёрз ещё сильнее нас, несмотря на то, что ему отдали почти все тёплые вещи в доме, ведь в нём не было нашей молодой крови, пробормотал себе под нос: «Чёртов Энрике! Всё из-за него, дурака проклятого!»

Мы тут же навестили уши. Была у деда такая привычка – бормотать что-то себе под нос, но так, чтобы его обязательно слышали. Мы в таких случаях немедленно начинали осаждать его с требованием объяснить, что он имел в виду, и он долго отнекивался и ворчал, но в результате всегда сдавался и рассказывал нам одну из своих необыкновенных историй. Ну, и в тот раз тоже мы, конечно, стали приставать к нему, чтобы он сказал нам, кто такой этот Энрике и чем таким он перед ним провинился.

– Что б вы знали, – ворчливо ответил на это дедушка, – не всегда в наших краях зимой было так холодно, как нынче. Раньше тут про такое диво, как снег, и слыхом не слыхивали.

– Не может быть! – поразились мы. – Как же это?

– А так, – заявил дед. – Круглый год можно было ходить в одном и том же. А топить печь, чтобы согреться, никому и в голову не приходило, – искали только, как бы спастись от жары.

– Разве бывает так? – удивился я.

– Сейчас-то, конечно, не бывает, – согласился дед. – Но когда-то было. И если бы не один очень глупый король, так бы оно всё и шло.

– Разве король может изменить погоду?

– Да он, в общем, и королём-то не был. Так, младший брат тогдашнего короля. Но гонору там было сразу на пять хороших правителей. Это, видишь ли, с младшими братьями иногда бывает.

И посмотрел на меня эдак пристально – а я как раз был младшим из братьев. Я, понятное дело, надулся, но любопытство в итоге пересилило.

– И что, он хотел стать королём? – спросил я обиженно.

– Да нет, – усмехнулся дед. – Королём он как раз быть не хотел. Некоторые, знаешь, находят это утомительным. Но он хотел корону.

– Корону?

– Ну, да. Носить её он бы, конечно, не смог, разве что дома перед женой, но очень уж ему хотелось её иметь. И он послал за самым искусным ювелиром во всём королевстве, и приказал ему сделать для него такую корону, какой бы не было не только у его брата короля, но и ни у одного короля в мире. Ювелир, а его, кстати, звали Рауль, и изготовил такую корону. И всяких бриллиантов, рубинов и изумрудов в ней было больше, чем фасоли в твоей похлёбке. Но Энрике остался недоволен. Он сказал: «Если мой брат закажет тебе такую корону, сможешь ты её повторить?» А Рауль-то возьми да ответь: «Конечно, Ваше Высочество, только прикажите». Он-то, дурачок, думал угодить принцу, а тот только разозлился и отправил его делать другую корону. Рауль старался и так, и эдак, изыскивал самые редкие и дорогие материалы, работал всё тоньше и филиграннее, но Энрике всё не нравилось. Вынь да положь ему, чтобы ни у одного короля в мире больше не могло быть такой короны.

Лучшие умы королевства побросали все свои дела и ломали головы над тем, как бы исполнить его прихоть. Но ни один из них ничего не мог придумать.

Рауль же делался с каждым днём всё печальнее, потому как чувствовал, что, если всё так пойдёт и дальше, принц с досады может его казнить или, того хуже, запретить заниматься ремеслом. И вот как-то раз он не выдержал и пошёл к одной старой цыганке, чтобы та предсказала ему судьбу.

Цыганка посмотрела на него и говорит: «В колоде моей бабушки, которая досталась ей от её бабушки, ещё была карта Девы льдов. Того, кому она выпадала в раскладе, ожидала на жизненном пути злая стужа или великая любовь, но чаще – и то, и другое. Сдаётся мне, что тебя вскорости ждёт что-то подобное».

А Рауль возьми да и спроси, что это за Дева такая. И старуха поведала ему, что, мол, на краю света, среди вечного холода, живёт Дева льдов. И будто никто из людей не видал её ни разу в жизни, но все откуда-то знают, что нет никого искуснее её в ювелирном деле. А сердце у неё в груди – ледышка ледышкой, но лёд этот так смёрзся, что стал прочнее алмаза, и даже если вынести его на солнце, он не растает.

Услышал это Рауль и думает: «Вот она: драгоценность, подобной которой не сыщешь больше нигде в мире». В тот же день он явился к принцу Энрике и заявил ему, что отправляется в поход за сердцем Девы льдов. Он мол, добудет его, вставит в новый сияющий венец, и такой короны не будет больше ни у одного правителя в мире – ни у одного из западных королей, ни у восточного султана, который, как говорят, вставляет своим тиграм рубины вместо глаз, ни у северных принцесс, которые натирают свою кожу толчённым жемчугом, чтобы она была ещё белее, ни у вождей тех южных племён, которые, по слухам, варят неугодных им соплеменников в котлах из чистого золота.

Выслушав его, Энрике согласился снарядить ему корабль. Рауль отправился, и шёл сначала по морю, потом по суше, пересёк весь известный человеку мир и вышел снова к морю, которое отделяло край введомой земли от владений Девы льдов. Там, куда он пришёл, было уже довольно холодно и всё время шёл дождь, иногда сменяющийся мокрым снегом. Но дикари, населяющие эти земли, ходили полуголыми круглый год и спали прямо на голой земле между разожжённых костров. С большим трудом Раулю удалось объяснить им, что ему нужно переправиться на тот берег, но, едва уразумев, что он от них хочет, эти люди отпрянули от него в ужасе. О Деве льдов в тех местах ходили самые мрачные легенды. Никто не рисковал подплывать достаточно близко к её владениям, потому что считалось, что она одним мановением руки может заморозить всю кровь в человеке – и его словно взорвёт изнутри.

Однако Рауль был настойчив. Даже дикари не смогли остаться равнодушными к его искусству, и один из них всё-таки согласился отвезти его на своей лодке к тому берегу в обмен на несколько красивых вещей, которые Рауль для него сделал.

Едва они достигли берега, как дикарь вытолкнул Рауля из лодки – и тут же уплыл, яростно работая вёслами. А Рауль остался совсем один – в спину ему дышало холодом море, чьи волны больше были похожи на седые скалы, чем на воду, а впереди расстилались бескрайние просторы снега и льда.

Долго-долго шёл Рауль, не разбирая дороги, через эту снежную пустыню. Он выбился из сил, налипший на волосы и бороду снег превратил его в седого старца, ноги его окоченели и еле двигались, но вот, когда ему уже стало казаться, что сами его глаза вот-вот замёрзнут и превратятся в две маленькие льдинки, он увидел впереди какое-то движение. Из-за холма, в вихре сверкающего снега, появились роскошные серебряные сани. Они не были никем запряжены, однако мчались вперёд стремительно, как ветер. А в санях сидела сама Дева льдов – прекрасная бледная женщина в платье, изукрашенном серебряным шитьём, повторяющим морозные узоры.

Столбом взметнулся снег у Рауля под ногами – и он в мгновение ока оказался в санях, рядом с Девой льдов. Она отвезла его в свой ледяной дворец, и огромная чудная толстая птица, одетая в чёрный фрак, распахнула перед ними двери в тронный зал.

Дева льдов взошла на свой высокий ледяной трон – и движением руки приказала Раулю приблизиться.

– Кто ты? – спросила она. – И зачем явился в мои владения?

– Меня зовут Рауль, – ответил тот. – И я пришёл из дальних земель, из мест, где никогда не бывает снега. С малых лет занимался я ювелирным делом, унаследовав это ремесло от своего отца. Я состязался в мастерстве с лучшими ювелирами сначала своей страны, а потом и мира, и все они рано или поздно признавали моё превосходство. Так я понял, что мне больше не у кого учиться. И тогда услышал я о тебе, Дева льдов, и о том, что твои познания в этом искусстве намного превосходят всё, чего достигли люди. Я пришёл состязаться с тобой.

– Меня ли, царицу льдов, вздумал ты поразить своим искусством? – засмеялась она. Но не было в том смехе человеческого тепла – словно льдинки звонко ударились друг о друга. – Со мной хочешь тягаться? Видел ли ты, сколь несметны мои сокровища? Столь я богата, что незачем мне прятать их за сотней замков. Вон лежат они, свободно и открыто, на вольном воздухе, доступные для любого. Не знаю я ни алчности, ни корысти. Кто бы ни взял от моих сокровищ, богатства мои не уменьшатся ни на йоту.

– Велики твои богатства, – сказал ювелир спокойно. – Но что проку в них, если нет искусства и мастерства? И чистейший алмаз может погубить неумелая рука.

Брови Девы льдов сошлись над переносицей, точно столкнулись две льдины, и промолвила она надменно:

– И прежде слыхала я, что сыны человеческие самонадеянны сверх меры. Но ты, верно, превзошёл их всех. Знаешь ли ты, глупый человек, что лёд покорен мне, точно глина? Точно шёлк, струится он сквозь мои пальцы, следуя даже не руке – мысли моей? Чем сможешь ты тягаться со мной?

– Не ждёшь же ты, царица, что ещё до начала состязания открою я тебе все секреты своего искусства? – отвечал ювелир.

– Что ж, будь по-твоему, – молвила Дева льдов. – Если сумеешь ты создать нечто, что я не смогу повторить, и даже превзойти, можешь просить у меня, что хочешь. А за твою храбрость дозволю я тебе пытаться трижды. Но уж если не подтвердишь ты делом свои хвастливые слова – тогда уж пеняй на себя.

– Дозволь же мне начать.

Рауль из заплечного мешка своего, в котором привёз с собой самые необходимые инструменты ремесла, вынул одну из корон, которую делал для принца Энрике. Много-много дней он вырезал на ней тончайшие узоры, и в серебре были навек запечатлены героические страницы истории нашей благословенной родины, лучшие деяния наших королей. Битвы и победы, пышные коронации, великие открытия изображались там во всех подробностях, словно на картине искуснейшего живописца.

– Взгляни, царица, на драгоценный этот венец, – произнёс Рауль, почтительно подавая Деве льдов своё творение. – Я сотворил его для принца своей страны. Это гимн гордости, и я знаю, что своим резцом сделал для государства нашего не меньше, чем целая армия могла бы сделать своими мечами.

– Воистину, ты заклинаешь серебро, как факир, – усмехнулась Дева льдов. – Но точна ли твоя летопись?

Взмахом руки она подняла с пола своей тронной залы облачко сверкающей снежной пыли, и та поземкою

поползла к ней, словно змея, и вспрыгнула ей на колени, как живая, и завертелась, как будто пытаясь укунить за хвост сама себя. Царица принялась своими длинными белыми пальцами придавать ей форму, словно гончар, работающий за гончарным кругом, и в мгновение ока снежная змея приняла вид обруча, из которого вверх, словно языки ледяного пламени, взметнулись зубцы, взметнулись, лизнули с собачьей преданностью персты царицы и тут же застыли, как твердеет на холоде раскалённый металл. Рауль не успел и глазом моргнуть, а Дева льдов уже подала ему на раскрытых своих ладонях корону – точную копию его собственной работы, искрившуюся так, что глазам было больно. Но, взглядевшись в узор, украсивший её сверху донизу, Рауль увидел, с восхищением и ужасом, что он был совсем другим, чем тот, который изобразил он сам. Как живые, перед его взором встали позорнейшие страницы истории – унижительнейшие поражения в битвах, пытки и казни, голод и мор. Короли, запечатлённые рукой Девы льдов, слали на гибель целые армии, сборщики податей выгоняли из домов крестьян, которые не могли заплатить налогов, чумные доктора в зловещих клювастых масках в ужасе отказывали в помощи больным, калеки и прокажённые, все в жутких струпьях, напрасно просили милостыни у толпы, священники жгли на кострах еретиков. А внутри короны, словно внутри Соломонова кольца, змеилась затайливая вязь. Рауль прочёл: «И твоя власть тоже пройдёт».

– Скажи, ювелир, – молвила Дева льдов, – смог бы ты преподнести эту корону своему принцу?

– Велико твоё искусство, царица, – отвечал Рауль. – Но не думается мне, что принц мой был бы рад такому подарку.

– Охотно верю. Ибо вы, люди, превратили ювелирное искусство в искусство лести. Короли ваши думают, что корона – символ их власти. Но на самом деле это они служат ей, сменяя друг друга. Корона эта останется невредима, даже когда чело, носившее её, истлеет и превратится в череп.

– Так ли это? – спросил Рауль. – Разве искусство твоё не хрупко? Разве оно не растает, соприкоснувшись с пусть смертным, но теплом?

– Примерь же её, если сомневаешься.

Рауль взял корону в руки и надел себе на голову. Она была холодной на ощупь, дышала холодом, но не обжигала, как обжигает лёд, и не липла к коже. И не таяла, даже когда Рауль поднёс её к своим губам и обдал тёплым дыханием.

– Ты одолела меня, царица, – признал он, наконец, склоняя перед ней голову и отдавая ей обратно корону. – Но и я должен признаться, что не приложил достаточно усилий. Привыкнув меряться мастерством с неумехами, я, сколь бы ни была велика твоя слава, не ожидал встретить истинного мастера, с которым мог бы состязаться на равных. Дозволь же мне пытаться ещё раз.

– Ты верно глуп, – сказала Дева льдов надменно, – если даже теперь, узрев моё искусство, продолжаешь считать, что мы равны. Но я обещала тебе три попытки и сдержу своё слово.

Хоть Рауль и был восхищён мастерством Девы льдов, он подумал про себя: «Как бы ни был велик её дар, однако ж и он не всесилен. Пусть она волшебной своей обращает снег в серебро, и оно покорно её воле. Однако ж все маги и алхимики земли не могут обратить серебро в золото, а значит, золотую вещь она никогда не сможет повторить».

И он достал из своего мешка любимое своё произведение – золотую брошь в виде стрекозы. Эту брошь он делал для одной из придворных дам, но, сделав, так влюбился в своё творение, что не смог с ним расстаться. Даме он взамен сделал другую, которой та осталась весьма довольна, а эту оставил себе и всюду носил её с собой, и отказывался продать, сколько бы денег ему за неё ни предлагали. Тело у стрекозы было из золота, а вместо глаз – две капельки янтаря, в каждом из которых застыла маленькая чёрная мушка. Ажурные крылья были сделаны в виде тончайшей сетки, и каждая крошечная ячейка покрыта эмалью своего цвета, из-за чего крылья переливались, как радуга.

– Искусная работа, – молвила Дева льдов благосклонно.

– Сможешь ли ты повторить её, царица? – спросил Рауль, стараясь за почтительным тоном скрыть своё ликование. Перед взором его уже стояла картина, как он, вместе с сердцем Девы льдов, возвращается на родину к своему принцу.

Дева льдов молча протянула руку и двумя пальцами взяла, словно струну, луч солнечного света, который падал сквозь ледяное окно залы прямо к подножию её трона. Снова руки её запорхали стремительно и умело – и вот уже из застывшего в её руках солнечного света, как из золотой нити, сплела она вытянутое стрекозиное тельце и тончайшее кружево крыльев. А затем набрала солнечный свет в ладонь, как расплавленное золото, и стряхнула перстом две капли, тут же застывшие в виде глаз, искристые, точно настоящий янтарь.

– Это плохая замена янтарю! – воскликнул Рауль. – Янтарь – живой камень, видишь, в моей броши в нём даже застыли в вечном оцепенении насекомые!

– Если дело стало только за этим, – произнесла Дева льдов с своей холодной улыбкой, – то решение найти нетрудно.

Она всплеснула ладонями – и в дверь заглянул тот самый привратник – толстая птица во фраке.

– Принеси мне мою коллекцию, – велела она ему, и тот с неуклюжим поклоном скрылся.

А через несколько минут он явился с большим плоским ледяным ящиком.

– Знаешь ли ты, – надменно обратилась Дева льдов к Раулю, – что каждая снежинка, которую я сделала, – уникальна? Ни одна из них не повторяет другую.

– Что? – поразился Рауль. – Но весь этот снег состоит из несметного числа снежинок!

– Истинно так, – наклонила голову Дева льдов. – И каждая – произведение искусства. Но здесь, в этом ларце, хранятся лучшие из моих творений.

Привратник поднёс ящик ближе к Раулю, и он увидел, что там в несколько рядов были разложены снежинки. Но разглядеть их невооружённым глазом он был не в силах.

– Видишь, ювелир, – усмехнулась Дева льдов, когда он сказал ей об этом. – Ты своим несовершенным глазом даже не можешь оценить мою работу.

И она отломила от подлокотника своего трона круглый кусок льда, подышала на него и отдала Раулю. Тот взял его и сквозь него, как через увеличительное стекло, снова взглянул на разложенные перед ним снежинки. Таких

причудливых форм он не то что никогда не видывал, но и вообразить бы себе не смог.

Однако он увидел и ещё кое-что. На некоторых снежинках навзничь лежали, широко раскинув крошечные ручки и ножки, причудливые создания, похожие на маленьких обнажённых женщин, но с прозрачными крыльями, как у насекомых. Они лежали неподвижно, но вдруг крыло у одной из них дёрнулось, и Рауль в ужасе отшатнулся от ящика, и кусок увеличительного льда со звоном выпал из его руки.

– Они что, живые?! – в ужасе воскликнул он.

– Конечно, – пожалала плечами Дева льдов. – Это феи.

– Но за что же ты распяла их на своих снежинках, словно грешников – на пыточном колесе?

– У них есть кое-что, что мне нужно, – холодно сказала Дева льдов.

С этими словами она вынула из ящика снежинку, оторвала от неё фею и, взяв в другую руку свою заготовку для броши, утопила крошечное создание в маленьком стрекозином глазу, который, послушно её воли, снова слегка расплавился, став тягучим, как капля мёда.

– Смотри теперь, – молвила Дева льдов с довольным видом.

Рауль трясущейся рукой подобрал и поднёс к глазам кусок льда, и увидел, что фея, заточённая внутри стрекозиноного глаза, всё-таки не умерла, не захлебнулась, а бешено мечется из стороны в сторону, бьётся об него изнутри, как муха, которую накрыли стаканом.

– Что ж, – еле выдавил из себя Рауль, бледный от ужаса. – Велико твоё искусство. Но разноцветную эмаль на моей броши ты всё-таки не смогла повторить.

– Дождись ночи, – молвила Дева льдов.

А когда настала ночь, они вышли из дворца, и Рауль, взглянув, увидел, как высоко-высоко над его головой, через всё чёрное небо, плещутся радужные полотнища. Дух у него захватило от восторга. А Дева льдов, ничуть не удивлённая этой картиной, взяла свою заготовку для броши, отломала от неё одно крыло, и, держа его в пальцах за основание, взмахнула рукой. От этого взмаха крыло

вытянулось далеко вверх, золотая нить истончилась, став тоньше волоса, тоньше, чем мог различить человеческий глаз, и Дева льдов закинула его, как сеть, прямо в небо, прямо в радужное сияние, и тут же потянула обратно.

Крыло стало уменьшаться, возвращаясь назад, и Рауль увидел, как в каждой золотой ячейке сияет цветная капелька, словно Дева льдов золотою своей сетью пленила сам радужный свет. То же она сотворила и с остальными стрекозиными крыльями, а потом приделала их обратно к броши, и вот уже стрекоза стала переливаться, словно ночное небо над их головами. Рауль вздохнул и во второй раз признал своё поражение.

– Что ж, – произнесла Дева льдов с триумфом. – Хочешь ли ты и в третий раз состязаться со мной, или признаешь, что искусство моё далеко превосходит человеческое воображение? Если ты склонишь предо мной голову, так и быть, я отпущу тебя с миром. Мучить тебя мне без надобности, хотелось лишь поумерить твою гордыню.

Однако Рауль подумал, что ему всё одно пропадать. Не от её руки – так от рук палача, если он посмеет вернуться к принцу ни с чем.

– Нет, – решил он после минутного раздумья. – Если ты и в третий раз одолеешь меня, – так тому и быть. Делай со мной, что пожелаешь. Но дозвожь мне снова пытаться.

– Упрямец, – покачала головой Дева Льдов. – Упрямец и глупец. Но что ж, я дала слово. Пытайся, если хочешь. Но это уж будет последний раз, мне наскучило это состязание.

– Разрешешь ли ты мне подумать, царица?

– Изволь, – пожалала она плечами. – У меня много времени.

И Рауль остался в её ледяном дворце. Он ни в чём не знал отказа, хотя пища, которую ему предлагали, и была весьма однообразной, – привратник ловил для него рыбу, которой питался сам. Кроме него, во дворце не было других слуг. Дева льдов же, кажется, вовсе ничего не ела.

Иногда они катались в санях, в которые, как Рауль узнал, был запряжён, вместо скакуна, сам ветер. Много дней Рауль наблюдал за работой Девы льдов. Она делала снежинки и каждую ночь стачивала луну своим алмазным

резцом, а потом позволяла ей снова расти. Иногда она охотилась за феями, которые залетали в её владения, не в силах устоять перед возможностью увидеть то разноцветное сияние в небе. Однажды Рауль увидел, как Дева льдов счищает крошечной кисточкой сверкающую пыльцу с их крыльев, а потом снова распинаят на снежинках в своём коллекционном ящике. Пыльцу она ссыпала в крошечный флакон, сделанный из застывшего лунного света.

– Что это такое? – решился он спросить.

– Пыльца фей, – отвечала Дева льдов коротко. – Она образуется у них на крыльях и нужна им, чтобы летать.

– Но зачем она тебе?

Царица ответила не сразу. Некоторое время она молча продолжала свою работу. А потом с неохотой сказала:

– Это для пингвина.

– Для кого?

– Для моего привратника. Ты его видел.

– Толстая птица во фраке?

– Да. Как ты мог заметить, он не может летать.

Рауль знал, что крылья у привратника слишком малы и коротки, а сам он слишком толст, чтобы летать, но зато хорошо плавает и в воде очень изящен. Иногда он с удовольствием наблюдал за привратником, когда тот охотился, подвижный и свободный, словно водяной змей.

– Я не знал, что он хочет летать, – произнёс он осторожно.

– Он же птица, – пожала плечами Дева льдов. – Ты не думаешь, что это несправедливо, что он не может летать?

Так Рауль понял, что Дева льдов умеет любить.

Понял он и то, что, раз так, заполучить её сердце он может и по-другому. Он напросился к ней в подмастерья и стал помогать ей в работе. Рассказывал ей истории, которые знал сам, пел песни своей родины, и ему казалось, что Дева льдов внимает ему благосклонно. В особенности любила она сказку о красавице, которая полюбила чудовище, и добровольно поселилась в его страшном дворце, заросшем кустами роз. Ещё он узнал, что Дева льдов может предсказывать судьбу. Она просила его подышать на зеркало, потом

дышала на него сама – и дыхание её застывало причудливыми морозными узорами, которые она толковала так и эдак.

– Тебя ждёт большое богатство, – говорила она. – Слава и почёт. И много дорог, но так или иначе ты всегда будешь возвращаться с победой.

Любви она ему никогда не предсказывала.

И вот однажды Рауль решился на третью попытку.

– Царица, – сказал он как-то. – Пришло время мне пытаться в третий раз.

Дева льдов взглянула на него и молвила:

– Что ж, я не отрекусь от своего слова. Если ты вновь желаешь состязаться со мной, изволь.

Рауль протянул ей скромное колечко, совсем простое, с маленьким тёмно-красным камнем, похожим на гранат.

– Это и есть твоя попытка? – спросила Дева льдов насмешливо. – Я повторю его в два счёта.

– За то время, что я жил в твоём дворце, – произнёс Рауль, – я узнал, как искусна ты в ювелирном деле. И больше не считаю, что могу сравниться с тобой. Теперь ты, верно, решишь убить меня, и я сделал это кольцо, чтобы, после моей смерти, оно попало к моей возлюбленной и напоминало ей обо мне.

Раулю показалось на миг, что Дева льдов побледнела. Но этого не могло быть, ибо кожа её и без того не имела никаких живых красок, оставаясь всегда холодной и белой, как снег.

– Будучи твоим подмастерьем, – продолжал он, – я многому научился от тебя. И пальцы мои здесь стали так холодны, что я смог повторить твою технику. Я оправил в твоё ледяное серебро капельку своей крови, словно рубин, чтобы это вечно служило моей любезной напоминанием о моей любви.

И вдруг по холодной щеке Девы льдов покатилась сверкающая капля, оставляя на холодной бледной коже её глубокий след, подобный уродливому шраму.

– Боже мой! – закричал Рауль. – Царица, щека твоя тает!

– Разве ты не знал, – молвила Дева льдов сдавленным голосом, – что слёзы, исторгнутые из ледяных глаз, так горячи, что могли бы растопить солнце?

Рауль взглянул в эти ледяные глаза, и ему показалось, будто они изменили цвет. Из-под прозрачного голубого льда пробивалась нежная зелень, словно молодая трава, пронзающая весенний снег.

– Кто твоя возлюбленная? – спросила Дева льдов глухо. – Мне ведь нужно знать, кому я должна буду передать это кольцо.

– Кто это может быть, – нежно произнёс Рауль, – если на пальце любой смертной женщины оно растает? Я-то ведь не повелеваю льдом, чтобы делать его прочным, как серебро. Если бы я не жил в твоём дворце, и я бы не смог взять его в руки.

С этими словами он взял Деву льдов за руку и надел своё кольцо ей на палец.

– У меня нет иной возлюбленной, кроме тебя, царица, – молвил он. И потянулся коснуться губами её холодных губ – но вдруг отпрянул в испуге.

– Что с тобой, ювелир? – спросила Дева льдов. – Отчего не решаешься ты поцеловать меня?

– Я словно взглянул на реку, скованную льдом, – пробормотал Рауль. – И там, подо льдом, увидел живую женщину.

– Что же из того? – молвила Дева льдов. – Я только наполовину ледяная. А теперь любовь пробудила сердце, которое всегда спало подо льдом. Слышишь, как трещит моя грудь, словно лёд вскрывается на реке? Это моё сердце взламывает свой ледяной панцирь.

– Так значит, сердце твоё – не лёд? – воскликнул Рауль изумлённо. – А я ведь пришёл сюда, думая, что сердце Девы льдов – это нетающая драгоценность, подобная дивному алмазу.

– Так вот, что привело тебя ко мне? – усмехнулась Дева льдов. – Разве ты не понял ещё, что такую нетающую драгоценность я своим волшебством могу сделать из любого куска льда?

Она взмахнула рукой – из паркета тронной залы выломился кусок льда в форме сердца – и засиял, подобно алмазу, заискрился на солнце. Рауль взял его в руки. Он был размером в две его ладони, и играл гранями так, что больно было смотреть. Но и глаз оторвать было невозможно.

– Пока ещё я могу это, – молвила Дева льдов.

– Что ты хочешь сказать?

– Теперь я ожила. И вскоре у меня не будет больше власти над снегом и льдом.

– Так ты станешь живой женщиной? – спросил Рауль.

– И я смогу любить тебя, как обычную смертную?

– Да.

– Так пойдём со мной! – сказал Рауль. – Теперь у меня есть то, что я смогу выдать за сердце Девы льдов и угодить этим принцу. Отправляйся со мной, я покажу тебе свою родину.

– Тебе скоро нечего будет мне показывать, – молвила Дева льдов.

– Что это значит?

– Не только я растаю, но и весь снег и лёд на земле. Океаны выйдут из берегов, и вода покроет всю землю. И не будет больше на свете ни твоей страны, ни твоего тщеславного принца.

А Рауль подумал, что принца ему не очень жаль, но если его не будет, то ему некому будет показывать своё искусство.

И на следующий день он отправился в путь, взяв с собой тот ледяной алмаз в форме сердца.

Дева льдов выпрягла ветер из своих саней и велела ему на спине перенести Рауля на другой берег. Там он снова встретил полуголых дикарей, которые отпрянули от него в ужасе, как от ожившего мертвеца, и снова пересёк весь ведомый человеку мир, теперь в обратном направлении.

Но когда он вернулся на родину, оказалось, что принц Энрике уже умер, и Раулю некому было хвастаться добытым им сердцем Девы льдов. Ни на что другое этот огромный камень не годился, а разбить его на более мелкие Рауль не мог – он был прочнее алмаза. Так и продолжил Рауль жить скромным ювелиром, и пусть он владел самым необыкновенным сокровищем на земле, распорядиться им он не мог. Кроме того, от камня шёл холод, с каждым днём всё более сильный, и сначала стены его мастерской, а потом и всего его дома начали потихоньку покрываться инеем. А также начала потихоньку, медленно, из года в год портиться погода. Зимы становились всё прохладнее,

лето – всё короче. Через двадцать лет в стране впервые увидели снег. Рауль, к тому времени уже старик не по годам, постоянно кашляющий, вечно простуженный, рассказал свою историю одному из своих подмастерьев.

– Я уверен, она бы полюбила любого, кто к ней пришёл! – сказал он, стараясь справиться с кашлем, который сотрясал всё его слабое тело. – Но никто не приходил. Если бы только кто-то отправился туда! Я-то, конечно, уже не пережил бы этой дороги, но если бы кто-нибудь!

Но никто не слушал больного, выжившего из ума старика. Подмастерье, правда, рассказал кому-то эту историю, но как волшебную сказку, и в таком виде она и разошлась в народе, и вскоре её уже рассказывали по всей стране, зимними вечерами, которые становились всё длиннее и холоднее. Что же стало с тем камнем в виде сердца Девы льдов, никто не знает. Хотя в одной из версий сказки говорится, что, когда Рауль умер, завещав подмастерью все свои дела, тот нашёл у него в дальнем углу мастерской большой кусок льда, и не успел удивиться, как тот рассыпался у него в руках снежной пылью, которую подхватил невесть откуда взявшийся ветер – и бросил на зеркало. В изморози, которой оно покрылось, на миг проступило искажённой горем прекрасное женское лицо, но тут же исчезло.

В другой версии, правда, утверждается, что камень потом всё-таки засиял в венце короля соседней страны, верно, подмастерье-то оказался парень ушлый. Но короля потом свергли, дворец и сокровищница несколько раз переходили из рук в руки, и следы камня затерялись. Дед мой, когда был в особенно благодушном настроении, ещё порой добавлял, что, может быть, если бы кто-то отправился снова в царство Девы льдов, нашёл и вернул ей этот чёртов камень, может быть, это бы что-то и изменило. Но я в это, признаться, не очень верю. Сердцем-то он всё-таки не был.